

Оригинальная статья / Original article

УДК 930.85

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-233-245>

«Моя вредительская работа...» (О судьбах иркутских интеллигентов, 1930-е гг.)

© Я.Ю. Лисицина^а, В.Г. Лисицин^б

^а Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

^б Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются биографические данные и творческие пути двух иркутских интеллигентов, живших и творивших в один исторический период – в начале XX века. Речь идет о художнике Александре Ивановиче Вологдине и архитекторе Казимире Войцеховиче Митале. Эти люди не были связаны между собой, но их судьбы схожи и перекликаются в трагическом финале: оба они успешно адаптировались к существующим реалиям, были представителями провинциального авангарда, занимали значимые посты в своих профессиональных направлениях, стояли у истоков творческих организаций, образованных после 1932 года, были репрессированы в 1937 году, погибли, посмертно реабилитированы. Впервые публикуются неизвестные до настоящего времени биографические сведения о А.И. Вологдине, например, о его мобилизации в армию Колчака, участии в декабрьских событиях 1919 г. Приводятся свидетельства коллег и товарищей, что делает возможным более полно раскрыть личность Александра Ивановича, первого председателя правления Восточно-Сибирского Краевого союза советских художников (ВСКРАССХ). Эту должность он занимал вплоть до ареста органами НКВД в 1937 г. В публикации даны характеристики архитектурного творчества К.В. Миталья, работавшего в стиле конструктивизм. Эти строения до сих пор существуют в ткани иркутской застройки и являются яркими образцами провинциального архитектурного авангарда. Так же приведены сведения о допросах Вологодина и Миталья органами НКВД, ранее не публиковавшиеся данные из уголовных дел.

Ключевые слова: Иркутск, первая треть XX века, архитектура, изобразительное искусство, конструктивизм, Восточно-Сибирский краевой союз советских художников, союз советских архитекторов, Александр Вологдин, Казимир Миталь, репрессии

Информация о статье: Дата поступления 25 октября 2018 г.; дата принятия к печати 26 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Лисицина Я.Ю., Лисицин В.Г. «Моя вредительская работа...» (О судьбах иркутских интеллигентов, 1930-е гг.). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 233–245. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-233-245.

“My sabotaging work...” (the fate of provincial creative intelligentsia (1930s))

© Yana Y. Lisitsina^а, Vasily G. Lisitsin^б

^а Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

^б Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: In article biographic data and careers of two Irkutsk intellectuals living and creating during one historical period, the beginning of the XX century, are considered. They are the artist Alexander Ivanovich Vologdin and the architect Kazimir Voytsekhovich Mittal'. These people did not relate to each other, but their destinies are similar and have something in common in the tragic final: both of them successfully adapted to the existing realities, were representatives of provincial vanguard, held significant posts in the professional directions, stood at the origins of the creative organizations formed after 1932, both were repressed in 1937, died, are posthumously rehabilitated. Unknown so far the biographic information about A.I. Vologdin, for example, about his mobilization in Kolchak's Army, participation in December events of 1919 are for the first time published. Given testimonies of colleagues and companions get possible better reveal the identity of Alexander Ivanovich, the first chair-

man of the board of the East Siberian Regional Union of the Soviet Artists (ESRUSA). He held this position up to arrest by staff of People's Commissariat for Internal Affairs in 1937. The article gives characteristics of architectural creativity of K.V. Mital', who worked in Constructivism style. His buildings still exist in the context of the Irkutsk site development and are bright examples of provincial architectural vanguard. The data on Vologdin and Mital's interrogations by staff of People's Commissariat for Internal Affairs from their criminal cases which were not published earlier are also provided.

Keywords: Irkutsk, the first third of the twentieth century, architecture, visual arts, Constructivism, the East-Siberian Regional Union of Soviet Artists, the Union of Soviet Architects, Alexander Vologdin, Kazimir Mital', repression

Article info: Received October 25, 2018; accepted for publication November 26, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Lisitsina Ya.Y., Lisitsin V.G. "My sabotaging work..." (the fate of provincial creative intelligentsia (1930s). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 233–245. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-233-245.

Первая треть XX века – сложное и насыщенное время российской истории, о котором уже много сказано и которое не до конца изучено. Интерес представляет историко-культурное наследие российской провинции, которое вмещает и биографии, и творческую деятельность представителей интеллигенции, чьи судьбы совпали со временем смены политико-экономических формаций в стране. В означенный период в г. Иркутске жили и работали художник Александр Иванович Вологдин (рис. 1) и архитектор Казимир Войцехович Миталь (рис. 2), активно принимавшие участие в развитии изобразительного искусства и архитектуры Восточной Сибири.

Казалось бы – что между ними общего, они не были связаны между собой, даже сам факт знакомства не очевиден. Известно, что они оба были знакомы с художником Владимиром Мигаевым, который состоял с Вологдиным в одной организации – ВСКРАССХе (Восточно-Сибирский краевой союз советских художников), а с Миталем работал над созданием памятника М.В. Загоскина. Также, судя по сохранившимся документам, Миталь принимал участие в обсуждении одной из выставок художников. Скорее всего, они знали друг о друге как люди, занимавшие серьезные административные посты: Миталь был главным архитектором Иркутска в 1930-х гг., а Вологдин в этот же период – председателем правления ВСКРАССХ. Архитектор и художник могли встречаться на заседаниях различных комиссий, в том числе по оформлению города к праздникам, а так же во время педагогической работы в иркутском художественно-

педагогическом техникуме. Но контакты между ними не представляется нам доминирующей темой для исследования, намного интереснее выявить схожие алгоритмы жизни этих достаточно разных людей, которые не только входили в культурную иркутскую нишу, но и собственноручно ее формировали.

Оба они родились в Иркутске, Миталь – в семье польских политических ссыльных в 1877 г., Вологдин – в 1889 г. в семье мещанина, служившего на приисках в Бодайбо. Александр Иванович окончил 6 классов иркутской мужской гимназии, учился в 1910–1912 гг. на иркутских художественных курсах у И.Л. Копылова. Казимир Войцехович после окончания механико-технического 9-классного училища сумел поступить в 1900 г. в Институт гражданских инженеров им. Императора Николая I в Санкт-Петербурге и вернулся в Иркутск в 1908 гг. И на Вологодина, и на Миталья годы учебы оказали несомненное влияние, сформировали их творческие личности, понимание и видение изобразительного искусства и архитектуры.

В период политической нестабильности и становления советской власти и Вологдин, и Миталь не являлись сторонниками нового режима, скорее, они находились «по ту сторону баррикад». Казимир Миталь был эсером, избирался на заседании городской думы 2/19 октября 1919 г. в члены городской управы от фракции социал-революционеров вместе с В.В. Сикорским (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Оп. 1. Д. 506. Л. 183). По его словам: «с 1917 года по январь мес. 1920 года я

Рис. 1. А.И. Вологдин, 1929 г., Архив ИОХМ
Fig. 1. A.I. Vologdin, 1929, IOCM Archive of the Irkutsk Regional Art Museum

Рис. 2. К.В. Миталь, 1910-е гг. Фото из семейного архива Е.Б. Криворучко
Fig. 2. K.V. Mital, the 1910s Photos from the family archive of E. B. Krivoruchko

действительно состоял в партии с-революционеров. Это моя единственная политическая ошибка, за которую я уже понес должное моральное и физическое наказание, будучи дважды арестован при Сов. власти: органами ЧК в 1920 г., ОГПУ в 1924 г.» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 10).

Александр Вологдин ни в каких партиях не состоял, а был мобилизован в армию Колчака согласно призыву по возрасту. Он так описывает этот эпизод своей жизни: «был мобилизован Колчаком и направлен в школу унтер-офицеров. Через 2 месяца переведен в школу егерей на ул. Амурской и в 1920 г., не кончив, вся школа разошлась с приходом Красной армии» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 12). Также он говорит об учебе в «иркутской военной школе НОКСА, в которой пробыл до свержения Колчака в

качестве юнкера» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 9).

«Иркутская учебно-инструкторская школа включала 3 стрелковых роты юнкеров и учебную пулеметную команду. Начальником являлся полковник Пархомов. Школа размещалась в здании военного училища и позднее стала частью его» (Волков, 2003. С. 80). Примечательно, что в наше время в этом строении сейчас располагается Иркутский художественный музей им. В.П. Сукачева (ул. Ленина, 5), в собрании которого находится всего одна сохранившаяся работа художника А.И. Вологодина – этюд «Вечер» (рис. 3).

Александр Вологдин принимал участие в декабрьских боях 1919 г. в Иркутске. «Только около 16.00 27 декабря 2 роты особого назначения под началом капитана Ф.С. Решетина, прибывшие из Знаменского предместья, заняли Тихвинскую пло-

Рис. 3. А.И. Вологдин. «Вечер». Бумага, акварель, тушь, 18х24, находится в Иркутском художественном музее им. В.П. Сукачева

Fig. 3. A.I. Vologdin. "Evening". Paper, watercolor, ink, 18x24, is located in the V.P. Sukachev Irkutsk Art Museum

щадь, Казанский собор и Сукачевский сквер. К ним присоединилась 4-я рота 2-го батальона Учебно-инструкторской школы» (Новиков, 2005, С. 180). «Против повстанцев вышел 1 батальон инструкторской школы с егерским батальоном 14 дивизии, вытеснил повстанцев и заставил их отступить за Ушаковку» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Д. 507 «а». Л. 198). Возможно, А. Вологдин находился в составе этого батальона. Во время этих событий он был два дня вместе со школой на Ушаковке, на Шелашниковской улице, но ушел домой, потому что «симпатизировал восставшим» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 12). Он утверждал: во время переворота «старался удаляться от начальства, чтобы не получать поручений, но два дня стоял на карауле в б. Интендантском саду с поручением уведомлять об опасности юнкеров. Других поручений мне не давалось. При атаке ка-

детского корпуса я не был» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 25). Он подчеркивал, что им «не было выпущено ни одного выстрела в сторону красных. Роль моя была пассивная, юнкером я был месяца четыре и в момент переворота наша школа считалась неблагонадежной. В тот момент, когда наша школа сражалась за кадетский корпус, я находился дома» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 24). В материалах уголовного дела 1931 г. имеется свидетельство очевидца, характеризующее А. Вологдина: «...было полное впечатление, что Вологдин призван в общем порядке. Был он всегда гуманистом и «пацифистом», лично увлечение военным делом иметь, мне кажется, не мог. Мне лично он рассказал о последнем дне событий, когда он был брошен по видимому, как и все, на бой <...> сам ушел домой, что позже оружие сдал. Белую власть клял последним словами в связи с этим случаем.

При рассказе о самих событиях он ужасался обстановке боя, подробностей его, количеству жертв, о том как раненные замерзали во льду, стонали и т. д. Его ужас был основан я думаю на его постоянном мышлении «гуманиста» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 18, 19).

Несмотря на то, что Вологдин не поддерживал колчаковскую власть, а Миталь вышел из партии эсеров и позднее даже пытался вступить в ряды большевиков, ярлык неблагонадёжных по отношению к советской власти остался на этих людях, что, впрочем, не мешало им занимать достаточно высокие административные посты.

Помимо непосредственной профессиональной деятельности, которая не всегда давала необходимые средства для существования (например, в 1920-х гг. Миталь практически ничего не проектировал и не строил) и К.В. Миталь, и А.И. Вологдин были напрямую связаны с педагогикой. Основная преподавательская работа Вологодина лежала в рамках изобразительного искусства: с 1930 по 1937 гг. он являлся преподавателем специальных дисциплин в иркутском художественно-педагогическом техникуме. К.В. Миталь тоже работал в этом учебном заведении в 1928 по 1931 гг., вел занятия по основам архитектуры. Также Казимир Войцехович работал в ряде школ города, в Иркутском политехническом институте и в Восточно-Сибирском политехникуме.

Но, разумеется, основная сфера деятельности наших фигурантов лежала именно в профессиональной плоскости. Вершиной карьеры К.В. Миталья стало назначение его на должность городского архитектора. Согласно данным «Иркутской летописи», он выполнял эти обязанности с 30 декабря 1930 г. по 5 января 1938 г. (Иркутская летопись, 1661–1940 гг. 2004. С. 641). Необходимо отметить противоречивые сведения о датах замещения этой должности. В уголовном деле указано, что Миталь до ареста работал архитектором горкомхоза Иркутского горсовета в г. Иркутске (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 5). Так же существует запись его допроса в НКВД (1938 г.), где он обвиняется во вредительстве именно во время исполнения обязанностей главного архитектора.

К. Миталь дает следующие показания: «Моя вредительская работа в роли главного архитектора города заключается в организации срыва работ над составлением генплана, планировки и реконструкции города...», что указывает на то, что все же он занимал этот пост (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 29).

Казимир Войцехович отличался от своих коллег по цеху того периода тем, что был одним из первых архитекторов Иркутска, кто проникся функциональным методом формообразования и стал строить здания в стиле конструктивизма. Как известно, новое каменное строительство в Иркутске, выполненное в этом стиле, датируется 1930-м годом, и автором большинства этих построек являлся именно Миталь. Принимая эстетику авангарда, он старался реализовать новый взгляд на архитектонику постройки, активно применяя новые конструктивистские приемы формообразования: разновеликие объемы и фланкирующие высоты выступающих элементов, прорезанные плоскости стен сплошными вертикальными или горизонтальными линиями остекления, задающими определенный ритм и композиционный контраст. По характеру визуальных стилевых и композиционных характеристик объемно-пространственных решений, иркутские постройки К.В. Миталья имеют визуальное сходство с объектами стиля конструктивизма, построенными ведущими архитекторами Москвы, Ленинграда, Свердловска. Однако, в силу определенных экономических обстоятельств, основные элементы зданий, возведение которых должно было осуществляться из остродефицитных, новых материалов, заменялись на местные, традиционные, не свойственные чисто конструктивистским постройкам. В период с 1930 по 1934 гг., по проектам К.В. Миталья или непосредственно под его руководством, в Иркутске были построены: гостиница «Центральная» («Сибирь») (рис. 4); жилые дома: партактива (рис. 5), сотрудников НКВД (рис. 6), специалистов; трехэтажное строение по ул. Байкальской; здание школы марксизма-ленинизма; хирургическая клиника. Также им спроектированы: жилой поселок, техникум, школа ФЗУ (г. Усолье-

Рис. 4. Гостиница «Сибирь» (бывш. «Центральная»), 1934 г. (г. Иркутск, ул. Ленина, 18). Архив ИОЦСИКН
Fig. 4. Hotel "Siberia" (formerly "Central"), 1934 (18 Lenin Str., Irkutsk). Archive of Irkutsk Regional Center
for the Preservation of Historical and Cultural Heritage

Рис. 5. Дом работников партактива, 1933 г. (г. Иркутск, ул. Свердлова, 22). Фото В.Г. Лисицина, 2012 г.
Fig. 5. House of Partaktiv workers, 1933 (22 Sverdlov Str., Irkutsk). Photo by V.G. Lisitsin, 2012

Рис. 6. Дом работников НКВД, 1934 г. (г. Иркутск, пер. Пионерский, 10). Фото В.Г. Лисицина, 2012 г.
Fig. 6. House of NKVD workers, 1934 (10 Pionersky lane, Irkutsk). Photo by V.G. Lisitsin, 2012

Сибирское); соцгородок (п. Первомайское), больничный городок и водопровод (г. Черемхово).

Итак, Казимир Миталь – ведущий архитектор города, и, казалось бы, его положение прочно. Он один из организаторов местного отделения союза советских архитекторов, образованного в г. Иркутске 21 февраля 1935 г., спустя три года после выхода постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. Этот документ официально утверждал позицию партии и правительства, в сущности, запрещающую самостоятельную деятельность любым творческим группировкам, в том числе и архитектурным, и художественным.

Первая конференция архитекторов Восточно-Сибирского края состоялась 15 апреля 1935 г., где К. Миталь выступил с докладом «О задачах советских архитекторов» и был выбран в краевое правление Союза архитекторов вместе с М. Лондоном, И. Ефимовым, Б. Кербелем, С. Заславским и В. Коляновским. Также К. Миталь, наряду с Лондоном, Ефимовым и Коляновским, был избран делегатом на первый Всесоюзный съезд архитекторов.

Следует отметить, что А.И. Вологдин также был в системе организации новых творческих союзов после выхода вышеупомянутого постановления «О перестройке...»: он являлся основателем, а также первым лицом краевого союза советских художников. Прежде чем была создана эта организация, иркутские художники, в мае – июне 1932 г. организовали свое отделение и оргбюро для создания общего союза края. На собрании 4 марта 1933 г. Вологдин был выбран в ревизионную комиссию. Он составляет ряд актов, фиксируя состояние дел организации. На общем собрании художников 21 марта 1933 г. выбирается оргбюро для подготовки 1-й Краевой конференции союза художников Восточно-Сибирского края, куда входят Андреев, Жибинов, Дубинский, секретарем же назначают Вологодина. По поручению правления А.И. Вологдин готовит и зачитывает доклад «О кадрах: во второй пятилетке по Восточно-Сибирскому краю» на вечернем заседании конференции, которое состоялось 11 апреля (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 7. Л. 8 об.). На Пленуме ВСКРАССХа, состо-

явшемся 14 апреля 1933 г., он был выбран председателем краевого правления Восточно-Сибирского краевого союза советских художников. По каким причинам утвердили именно его кандидатуру на столь ответственный пост – неизвестно. Возможно, какую-то роль сыграло то, что он в какой-то период служил чертежником, топографом, был способен к бумажной кропотливой работе, к методичному выполнению необходимого делопроизводства в новообразованной организации. И действительно, письма, написанные его характерным острым, не всегда разборчивым почерком, регулярно уходили в Красноярск, Читу, Улан-Удэ и другие города обширного Восточно-Сибирского Края, уведомляли, призывали, поддерживали художников. Возможно, и в его характере было что-то, располагающее к административной работе. «Его знают почти все художники Иркутска, но сказать трудно знает ли кто его в личной жизни, т. к. Вологдин индивидуалист» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 14). Достаточно закрытый, но дружелюбный, не давящий ни на кого, Вологдин, терпеливо выполняющий многочисленные обязанности, связанные с постом председателя ВСКРАССХ, устраивал многих. Он не разит гневом на собрании художников, не критикует жестко на публичных обсуждениях работ. Он терпеливо выполняет свою работу, фактически один с 1933 по 1937 гг. тащит эту ношу: «Все художники знают, что я всегда был о делах союза, прежде правление организованное конференцией фактически распалось и мне приходится работать одному за все правление» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1. Л. 6).

Можно констатировать активное участие К. Миталья и А. Вологодина в образовании и регламентации деятельности в новых структурах, объединивших иркутских архитекторов или художников, очевиден их профессиональный и личностный авторитет среди коллег и благожелательное отношение к ним со стороны властей. Первые тревожные звонки для К. Миталья прозвучали в мае 1937 г. в виде двух статей в газете «Восточно-Сибирская правда»: критического материала Григорьева, в котором фигурирует Горсовет: «Враги орудовали в

парторганизации Горсовета» (Восточно-Сибирская правда, 1937, № 110) и статьи «С собрания актива работников коммунального хозяйства» (Восточно-Сибирская правда, 1937, № 121), в которой острой критике подвергается заведующий облкомхоза М. Лондон. В этих публикациях фигурируют люди, с которыми Миталь был тесно связан по профессиональной деятельности. Среди них упоминается и А. Казакова, впоследствии фигурирующая в уголовном деле К. Миталья как человек, по поручению которого он занимался вредительством.

Явным маркером опалы К.В. Миталья выступил вопрос делегирования на Всесоюзный съезд советских архитекторов. Несмотря на то, что в 1935 г. он уже был выбран в число делегатов, в мае 1937 г. ситуация в корне меняется. В заметке газеты «Восточно-Сибирская правда» № 105 от 8 мая говорится, что «в Иркутске на общегородском собрании состоялись выборы делегатов на съезд. Путем тайного голосования избраны тт. Лондон М.Е. – заведующий облкомхозом, Кербель Б.М. – инженер-архитектор (руководитель бригады по разработке технического проекта Дома Советов в Иркутске) и Калиновский В.О. – архитектор. Делегаты готовят к съезду диаграммы и макеты крупных архитектурных сооружений в Иркутске».

К.В. Миталь был арестован 29 апреля 1938 г. Он изобличался в том, что «является агентом разведорганов одного иностранного государства». (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 2). В конечном счете, обвинялся в том, «что являлся участником антисоветской подпольной эсеровской организации, существовавшей в Иркутске, которая возглавлялась Гольдбергом Исааком Григорьевичем», был «участником протроцкистской организации, в которую был завербован в 1931 г. Казаковой А.И. и по заданию которой занимался вредительством, а также агентом польской и германской разведок» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 65). Казимиру Войцеховичу на допросе так же предъявили обвинения, которые затрагивали его деятельность именно на руководящих постах и частично перекликались с установочной речью К.С. Алабяна на 1 Всесоюзном съезде архитекторов в 1937 г.:

«Троцкистско-фашистские вредители всячески старались разместить жилые дома для рабочих в непосредственной близости от вредных в санитарно-гигиеническом отношении производств» (Восточно-Сибирская правда, 1937, № 142). К. Миталь дал следующие показания: «Моя вредительская работа в роли главного архитектора заключалась в организации срыва работ над составлением генплана». Также он говорил о том, что не были спроектированы подъездные пути для построенной макаронной фабрики, а в районе Мелькомбината построено вредное производство – мылзавод (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 29).

К.С. Алабян подчеркивал, что «культ чистой формы всегда возникает на почве идейного оскудения. Именно тогда архитектор прибегает к «оригинальничанию», нагромождая формальные трюки. Формализм чужд советской архитектуре, ибо наша архитектура имеет большие идейные задачи» (Восточно-Сибирская правда, 1937, № 142). Миталь вынужден каяться в формализме: «... проектируемые под моим руководством здание финансового института, 3-х этажного здания НКВД по ул. Литвинова, составлены именно в духе коробчатой упрощенческой архитектуры, в духе конструктивизма... В таком же «стиле» составлен под моим руководством при участии инж. Рейхбаума проект Иркутской гостиницы – этого безобразнейшего здания» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 27, 28, 32). Примечательно то, что за проект финансового института авторства арх. Ефимова оправдывается не сам автор, а именно К. Миталь как должностное лицо, отвечающее, по видимому, в том числе, и за стилевые особенности проекта.

Но основное обвинение лежало в плоскости вопроса о работе в иностранных разведках: «Вы являлись шпионом иностранных разведок. Подтверждаете это?» Судя по тексту допроса, К. Миталь соглашается и с этим: «Да, подтверждаю, я действительно являюсь агентом двух – германской и польской разведок». Многостраничный текст аккуратно отпечатан на машинке и подписан Казимиром Войцеховичем. В конце материала строка о

том, что допрос прекращен. Больше никаких следственных мероприятий не происходило, следствие не было завершено: К.В. Миталь умер в тюремной больнице по неизвестной причине. Дата смерти зафиксирована на обложке дела как 19 ноября 1938 года. Следует отметить, что в переписке по проверке оперативного учета 1959 года по делу Миталья начальник отделения 1 Спецотдела УМВД Иркутской области указал, что «Нет даты о смерти». Акта или справки о смерти из больницы иркутской тюрьмы нами не обнаружено. Постановлением зам. Военного Прокурора ЗАБВО дело по обвинению Миталья прекращено 20 ноября 1959 г. в связи с отсутствием состава преступления, постановление НКВД от 9 декабря 1938 отменено, а арест признан незаконным.

Казимира Войцеховича Миталья мы вспоминаем, когда видим его здания, сохранившиеся в Иркутске, живы его потомки, жива память о нем. Судьба Вологодина так же трагична, но сведения об этом человеке очень скудны, хранить память о нем было некому: известно, что жил он с престарелой матерью Татьяной Петровной Вологдиной, а из родственников был у него двоюродный брат «гармонный мастер» Иннокентий Петрович, который уехал из Иркутска в 1930 году (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 10). Художник не оставил творческого наследия, фактически ничего после него не сохранилось, кроме упомянутого нами этюда, поэтому совершенно невозможно провести какой-либо анализ его работ. Говоря о Вологдине как личности и мастере изобразительного искусства, можно опираться только на свидетельства современников и архивные документы.

Первоначально деятельность А.И. Вологодина в качестве художника лежала в театральной сфере. Как он сам упоминает, в 1920 гг. «был направлен в городской театр для организации работы губернской декоративной мастерской» в качестве художника-декоратора. По его словам, «в 1921 нами организован молодой театр до 1924» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 9). Вологдин (творческий псевдоним Эхна) оставил яркий след в иркутской сценографии. Известно об его работе над авангардной постановкой пьесы

В.В. Маяковского «Мистерия-буфф» режиссера Н.П. Охлопкова, показ которой состоялся в Иркутске 1–2 мая 1922 г. «Вещественное оформление составляли лежавшая на правой стороне сцены несколько деформированная полусфера и затем ярко раскрашенные площадки; так, слева помещалась площадка «ада», справа – площадка «рая»; каждая из них выключалась из действия посредством света. В третьем действии («Ад») на сцене были расклеены театральные афиши «инфернального» репертуара: «Чорт», «Дьявол», «Мефистофель», «Демон». <...> Художником спектакля был Эхна (А. Вологдин)...» (Февральский, 1940. С. 247, 248). После службы в театре Вологдин в 1924 г. был художником Маратовского рабочего дворца. С 1925 по 1927 г. работал «по оборудованию и постройке различных рабочих клубов города» (Лыхин, 2002. С. 256).

Художник В.Ф. Мигаев характеризует Александра Ивановича как человека большой эрудиции: «Еще до революции ему довелось побывать в Париже. Он знал и понимал искусство. <...> Из плеяды его учеников многие стали хорошими, вдумчивыми художниками: И. Юшков, С. Развозжаев. Своих работ учащимся А.И. не показывал, да и показывать особенно было нечего. А.И. временами писал этюды, которые свидетельствовали о его хорошем видении и живописной культуре, тогда как учебные программы требовали ориентировки учащихся на сюжет и, конечно, высокую идейность. <...> Большой приверженец импрессионизма, он был вынужден не показывать своих отношений к, так называемому в то время, формалистическому искусству. Вместо этого он поднимал на щит передвижников и делал это удачно. Неслучайно его ученики были приверженцами не только творчества Репина и Сурикова, но и Перова» (Архив ИОХМ им. В. П. Сукачева. Дело В.Ф. Мигаева).

На обсуждении работ к выставке, посвященной 15-й годовщине Красной Армии, произошедшем на общем собрании художников совместно с представителями общественности г. Иркутска 5 марта 1933 г., несколько художников дали оценку творчеству Вологодина. Художник Дубинский отметил, что «Пейзажи выполнены мастерски»

(Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 6. Л. 12). Художник Тимошенко отмечает, что: «Как Андреев, так и Вологдин наши сибирские львы. Но В-н лев европейского масштаба, частью заимствовано у Монэ и Манэ. По воздушной перспективе это единственные работы. Это базис культуры среди того хаоса, который мы имеем на выставке. Говорить о В-не – это значит повторять всю культуру импрессионизма» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 6. Л. 27, 28).

Сам же Вологдин характеризовал себя так: «Я слишком разбросанный человек, слишком много знаю и вкусил, но сил мало. Заела трагедия анализа, поэтому не могу сделать большой работы, – не понравится, не удовлетворит, поэтому просто рву. Выставленные этюды до известной степени поворотные пункты. Старался разрешить колорит лирически, дать гармоническое соотношение» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 6. Л. 28).

Наиболее яркий период жизни художника, когда он проявляет себя как общественно значимая личность – руководит ВСКРАССХ, проходит во время между двумя его арестами – с 1931 по 1937 гг. Первый арест состоялся 17 февраля 1931 г. (мы не берем во внимание краткое задержание Вологодина органами ЧК в 1921 г.) В постановлении от 3 марта 1931 г. указывается, что он арестован за «преступление, предусмотренном ст. 58-10 УК РСФСР, Вологдин будучи юнкером при Колчаке принимал активное участие (в борьбе – прим. авт.) с большевизмом в г. Иркутске. В настоящее время, являясь врагом советской власти, ведет контр-революционную агитацию среди населения, направленную на срыв политических и хозяйственных мероприятий» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 22). Но к советской власти, как утверждал на допросах сам Вологдин, он был лоялен, и, по его словам: «Контр-революционных разговоров с душком я не выношу и контр-революционных знакомств не имел» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 10). Из материалов дела следует: «Вологодина

арестовали и, понимаете, в то время когда он начал увлекаться советской властью» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 14). Свидетели отмечали, что у Вологодина был некий сдвиг, поворот в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «в сторону понимания нашей действительности». Этому было даже дано определение: «период романтического увлечения» сов. властью и ее мероприятиями» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 18). Известно, что когда появились слухи о приезде Сталина на краевую конференцию, Вологдин предложил поместить лозунг в зале заседания: «Соцсоревнование из труда подневольного». После допросов самого Вологодина и опросов свидетелей, Александр Иванович был освобожден, т. к. обвинение не подтвердилось (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 29).

Если в 1931 г., пробыв всю весну в Иркутской тюрьме, Вологдин был все же выпущен после многочисленных допросов, то в его уголовном деле 1937 года фигурируют материалы всего двух допросов, за которыми следует расстрел с конфискацией имущества.

Вологдин был арестован сразу после общего собрания членов союза советских художников г. Иркутска. Оно состоялось 8 октября 1937 г. и практически ничем не отличалось от предыдущих. Но это было последнее мероприятие председателя правления, который выступил с докладом об организации выставки, контракции художников, готовности картин. Ордер № 2001 на его арест и обыск был уже выписан. Возможно, Вологодина арестовали ночью дома. В «Анжете арестованного» стоит запись: «Арестован УНКВД по Иркутской области 9 октября 1937 г. (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 5541. Л. 138).

Вологдин обвинялся в том, что являлся участником в шпионско-повстанческой, белогвардейской контрреволюционной организации. В связи с этим было решено, «мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать арест и содержание под стражей в Иркутской тюрьме НКВД СССР за № 00447» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 5541. Л. 134). Согласно прото-

колу обыска, который произошел 9 октября 1937 г., были изъяты: чековые книжки Союза художников, «печать союза художников», печать иркутского филиала ССХ и т. п. Личные вещи Александра Ивановича в протоколе не указаны.

Из членов союза советских художников Вологдин был исключен 14 октября 1937 г. на «объединенном собрании членов Союза советских художников г. Иркутска и членов товарищества «Художник» с участием: зав. отделом искусств Областного Исполкома Восточно-Сибирской Области т. Борисова и инспектора отдела искусств т. Востоковой. Собрание состоялось в помещении отдела искусств» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об.) Председателем собрания была К.Т. Востокова, которая вскоре будет принята в члены организации и станет председателем правления организации несмотря на то, что никакого отношения она к изобразительному искусству не имела, художником не была. Борисов сообщил художникам, «что бывший председатель правления Союза Советских художников Восточно-Сибирской области Вологдин А.И. 8-го октября организацией НКВД арестован как враг народа» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об., 28). В протоколе от 15 ноября 1937 г. общего собрания членов Союза советских художников области зафиксирована реакция на арест Вологодина. Художники Жибинов и Адлер в своих выступлениях «проходятся» по бывшему председателю, но вяло. Адлер: «Вологдин один подменял правление. Его политика – тихой сапой в работе. Вологдин ссорил художников между собой, сеял антагонизм между художниками» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1. Л. 36). Жибинов: «Искренности у нас нет, а Вологдин старался спровоцировать ссоры одних художников с другими, натравить их друг на друга, создать склоку. В этом и выражалась вредительская линия Вологодина» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1. Л. 37). Художники явно не понимали, за что был арестован председатель, не видели объективных причин для этого, но вследст-

вие того, что выступать и клеймить врага народа все-таки было нужно, искали хоть какую-нибудь зацепку для обвинения.

В это время Вологдин находился в Иркутской тюрьме. На допрос его вызвали 1 ноября. Он опроверг обвинение в том, что является участником шпионско-повстанческой белогвардейской организации. Но на втором допросе от 8 февраля 1938 г. он признает себя виновным. В машинописном тексте протокола зафиксировано складное, возможно, заранее подготовленное следователем повествование о работе Вологодина в белогвардейской организации. Через три дня после допроса Александру Ивановичу был вынесен приговор. Согласно протоколу № 6 от 11 февраля 1938 г. заседания Тройки УНКВД по Иркутской области Вологдин обвинялся «в том, что являлся активным участником к/р белогвардейской террористической шпионской организации. <...> Виновным себя признал». Тройка постановила: «Вологодина Александра Ивановича расстрелять с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 5541. Л. 217). Согласно выписке из акта, это постановление приведено в исполнение 15 февраля 1938 г. Реабилитирован Александр Иванович практически через двадцать лет после ареста – 8 сентября 1957 г. После смерти А.И. Вологодина остались только плохого качества фотокарточка, где он запечатлен в клетчатой кепке и очках, один живописный этюд и немного документов, хранящиеся в архивах. В союзе художников, кроме первого председателя, были репрессированы еще два художника: А.Н. Андреев и А.Н. Агафонов. Остальные художники продолжали трудиться, осваивая метод социалистического реализма и неуклонно избавляясь от формализма. Где

похоронены Вологдин и Миталь – неизвестно. Вероятным местом захоронения К.В. Миталья является Радищевское кладбище, где в то время, возможно, производили захоронения из тюрьмы.

Перед нами две разные, но в чем-то схожие судьбы ярких представителей иркутской творческой интеллигенции, переживших революцию, гражданскую войну, принявших советскую власть и служивших ей, но, в конечном счете, попавших под молот репрессий. Миталь и Вологдин стояли у истоков профессиональных организаций, которые существуют и плодотворно трудятся и в наше время – иркутского отделения Союза архитекторов России и Иркутского отделения Союза художников России соответственно. Почему именно они были репрессированы, когда другие иркутские художники и архитекторы продолжали свою профессиональную деятельность? Возможно, К. Миталь и А. Вологдин были подвергнуты репрессиям не из-за творческой деятельности, а на общей волне смены кадров, как люди, которые уже были в поле внимания НКВД (ВЧК). Они, как и все их коллеги, отвергали формализм (несмотря на то, что в свое время принимали и конструктивизм, и импрессионизм), приветствовали изменения стилевого вектора, более того, непосредственно участвовали в создании чисто советского продукта – союзов советских художников/архитекторов. Их сознание, творчество прошло все ступени принудительной трансформации, которые проходили советские творцы, исходя из самых разных причин: от искреннего восприятия идеологии до элементарного желания выжить в новых условиях, потому что государство подчинило все секторы творческой практической деятельности.

Библиографический список

- Волков Е. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, ЮрГУ, 2003. 336 с.
- Восточно-Сибирская правда. 1937. № 105.
- Восточно-Сибирская правда. 1937. № 110.
- Восточно-Сибирская правда. 1937. № 121.

References

- Volkov E. *Kolchakovskie ofitseri: opyt istoricheskogo issledovaniya* [Kolchak officers: the experience of historical research]. Chelyabinsk: YurGU Publ., 2003, 336 p.
- Vostochno-Sibirskaya Pravda* [East-Siberian Truth], 1937, no. 105. (In Russ.).
- Vostochno-Sibirskaya Pravda* [East-Siberian Truth], 1937, no. 110. (In Russ.).
- Vostochno-Sibirskaya Pravda* [East-Siberian Truth], 1937, no. 121. (In Russ.).

Восточно-Сибирская правда. 1937. № 142.

Дело В.Ф. Мигаева. [В.Ф. Мигаев. Воспоминания о художниках: на правах рукописи] // Арх. ИОХМ им. В.П. Сукачева.

Иркутская летопись, 1661–1940 гг. / сост. Ю. Колмаков. Иркутск: Земля Иркутская : Оттиск, 2004. 848 с.

Лыхин Ю. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск, 2002. 336 с.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с.

Февральский А. Мистерия-буфф. Опыт литературной и сценической истории пьесы // Маяковский. Материалы и исследования. Академия наук СССР. Институт мировой литературы имени А. М. Горького. М. : Гослитиздат, 1940. 476 с.

Сведения об авторах

Лисицина Яна Юрьевна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра журналистики и медиаменеджмента, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: vaslis@mail.ru

Лисицин Василий Геннадьевич,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра архитектурного проектирования, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: vasl@mail.ru

Критерии авторства

Лисицина Я.Ю., Лисицин В.Г. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Vostochno-Sibirskaya Pravda [East-Siberian Truth], 1937, no. 142. (In Russ.).

Migaev V.F. *Delo V.F. Migaeva. (Vospominaniya o khudozhnikakh: na pravakh rukopisi)* [Case of V.F. Migayev. [Memories of artists: as a manuscript]. *Arkh. IOKhM im. V.P. Sukacheva* [Archive of the Irkutsk Regional Museum of Local Lore].

Kolmakov Yu. *Irkutskaya letopis', 1661–1940 gg.* [The Irkutsk Chronicle, 1661–1940] Irkutsk: Zemlya Irkutskaya : Ottisk Publ., 2004, 848 p.

Lykhin Yu. *Khudozhestvennaya zhizn' Irkutsk (pervaya chetvert' XX veka)* [The artistic life of Irkutsk (first quarter of the XX century)]. Irkutsk, 2002, 336 p.

Novikov P.A. *Grazhdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri* [Civil War in Eastern Siberia]. Moscow : Tsentrpoligraf Publ., 2005, 415 p.

Fevral'skii A. *Misteriya-buff. Opyt literaturnoi i stsenicheskoi istorii p'esy* [Mystery Buff. Experience the literary and scenic history of the play]. *Mayakovskii. Materialy i issledovaniya. Akademiya nauk SSSR. Institut mirovoi literatury imeni A.M. Gor'kogo* [Mayakovsky. Materials and research. Academy of Sciences of the USSR. Institute of World Literature named after A.M. Gorky]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1940, 476 p. (In Russ.).

Information about the authors

Yana Yu. Lisitsina,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Journalism and Media Management, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vaslis@mail.ru

Vasily G. Lisitsin,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Architectural Design, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vasl@mail.ru

Attribution criteria

Lisitsina Ya.Yu., Lisitsin V.G. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.